

№ 49 Бедница

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Иисус исцеляет слепых

Вера в излечение всегда имела колоссальное значение. По-настоящему хочет ли человек выздороветь, доверяет ли он лечащему врачу? Верит ли, что именно это лекарство ему поможет? Насколько это важно, свидетельствует в медицине и фармакологии один из методов испытания новых лекарств, связанный с так называемым эффектом «плацебо».

Многие из Вас, наверное, знают, как проверяется эффективность новых препаратов. Группу больных, на которых предполагается испытание нового лекарства, негласно делят на две подгруппы. И одной половине вводят настоящее лекарство, а другой – пустышку: физраствор, если внутривенно или внутримышечно, или кусочки мела - в форме таблеток и т.п. В чем смысл плацебо? Зачем надо все это мудрить? А дело в том, что выздоравливать начинают больные и первой, и второй подгруппы. И те, которым колют дистиллированную водичку, и те, которые глотают чистый мелок. Потому что ему ввели физраствор, а он думает, что это суперное, фантастически эффективное лекарство, от которого он непременно выздоровеет. И выздоравливает.

Так вот, если в группе, где вводят больным настоящий препарат, эффект больше всего лишь на каких-то 10%, чем в группе больных, которым дают плацебо, то медикамент считается эффективным и пригодным к употреблению. И это никакие не новые веяния – это повсеместно принятая мировая практика.

И вот теперь представьте себе в процентном отношении: какую роль в выздоровлении имеет современный эффективный препарат сам по себе, а какую роль - вера в то, что это лекарство поможет.

Сегодняшний отрывок из Евангелия от Матфея как раз и говорит нам о роли веры в исцелении болящего. Однажды пришли к Иисусу слепцы с просьбой дать им зрение. И говорит им Иисус: веруете ли, что Я могу это сделать? Они говорят Ему: ей, Господи! Тогда Господь коснулся глаз их и сказал: по вере вашей да будет вам. И открылись глаза их тот же час. И вот, на первый взгляд, здесь легко провести параллель – веры в Господа с эффектом плацебо. Но этого делать нельзя. Потому что религиозная вера – это совсем другой уровень – это уровень не души, не психики, а духа. Хотя, безусловно, отражение духовного в психическом месте имеет, и обнаруживать духовное в душевном можно довольно часто.

Религиозная вера – это врата нашего духа. Если мы верим в Бога и Богу, значит, мы открыты для Бога и Его действия в нас. А если не верим, значит, мы затворили двери нашего существа, нашего сердца, и тогда Господь ничего не может хорошего для нас

сделать, потому что Он - не взломщик и не грабитель. Он не выламывает решетки наших окон и не сбивает замки.

Поэтому евангелист Марк и пишет, что в Назарете, у Себя на родине, Иисус не мог совершить никакого чуда, потому что был окружен людьми, не верящими Ему.

Почитание святых

Рассуждая о рецидивах язычества в христианстве, мы настойчиво подчеркивали с Вами, что любая полезная вещь может быть использована во зло. Любая святыня при неправильном к ней отношении может быть превращена в фетиш или истукана. Иконы, предназначенные для напоминания нам о Божием присутствии, мы можем низвести к идолам, если вместо того, чтобы ум свой от образа (изображения) возносить к Самому Богу – Первообразу, будем привязывать все внимание к самому изображению. Не очевидно присутствующем Боге мыслить и Ему одному воздавать Славу и пред Ним одним возносить молитвы, а центром благоговейного внимания утверждать материальный предмет. Аналогичная деградация может иметь место и в почитании святых, и об этом, давайте, на сей раз размыслим с Вами.

Начнем с того, что благоговейная память о множестве святых Церкви – это вполне естественное явление в христианстве. Ведь на самом деле, опыт жизни святых – это драгоценность нашей веры, нашей религиозности, да и вообще религиозной культуры.

Если говорить о культуре веры вообще, то без всякого преувеличения можно сказать, что культура Православной Церкви, пожалуй, самая богатая среди культур мировых христианских конфессий - во многих отношениях. В литургической сфере, например. Даже католики со своим славным историческим прошлым и устойчивым настоящим здесь во многом обделены. Возьмите, к примеру, текст католической мессы, прочитайте его и сравните с содержанием нашей православной литургии Иоанна Златоуста или, тем более, Василия Великого, и сразу многое станет ясным. Не то, чтобы текст Амвросианской мессы был ущербным или неполноценным, но он намного беднее выглядит в плане глубины смысла и выразительности, на фоне любой литургии православной. В количественном плане, тем более. Быть может, не все знают, что все богослужебные тексты, используемые ныне Римско-католической Церковью, можно поместить в сравнительно небольшую книжечку. В то время, как по-настоящему укомплектовать православный приход не так просто – все богослужебные книги в руках не унесешь, - нужна машина.

Или в сфере иконографии. Сравните древние византийские или древнерусские иконы по глубине духовного содержания с западной иконописной традицией. Зачастую сравнение будет далеко не в пользу последней.

Но, вот, что касается сонма праведников – этой вот исторической памяти, то католики, пожалуй, не уступают православным. Память о святых людях в Римско-католической Церкви хранится так же свято, как и в православной.

Иное дело - протестанты. Там почитание святых практически отсутствует. Ну не то, чтобы совсем. Такие имена, как Лютер, Кальвин, безусловно, чтятся. Или Сперджен. Но историческая память у протестантов, в общем, короткая. В общении с протестантами может сложиться впечатление, что Церковь, родившаяся в Пятидесятницу, прожила три-четыре десятилетия, а затем заснула ледяным сном аж до 16-го века, вплоть до Реформации. Поликарп Смирнский, Ириней Лионский, Григорий Богослов, блаженный Августин, Антоний Великий, Иоанн Дамаскин и сотни других мировых светил хри-

стианства, для типичного протестанта – это либо совсем незнакомые имена, либо случайно где-то услышанные, а может – книжка попалась – прочитал. Это – в лучшем случае. Ну, правда, Серафимом Саровским некоторые пятидесятники и харизматы интересуются, за одно его знаменитое высказывание. Помните, преподобный Серафим говорил, что главная цель христианина – это стяжание Духа Святого? Ну, это пятидесятникам многим импонирует.

А вообще, короткая память – это плохо. Плохо забывать тех, благодаря которым христианство дошло до нас с Вами. Забывать о сотнях тысяч мучеников, которые ценой жизни отстаивали право исповедовать Христа, проповедников, подвижников веры и благочестия, святых отцов, которые сохранили в чистоте веру – это не есть хорошо.

Негоже это во всех отношениях. Потому что, во-первых, забывать своих героев, в какой-то мере, аморально. Память о людях, которым мы обязаны, это проявление нашей благодарности. А если мы не помним своих учителей и благодетелей, это свидетельствует о червоточине в нашем сердце.

Во-вторых, жизненный путь того или иного святого может являться прекрасным примером для подражания, его индивидуальный духовный опыт способен нас обогатить, расширить наш кругозор, вселить в нас уверенность, вдохновить нас на великое. И если человек пренебрегает примером титанов духа, то он попросту себя обворовывает, причем, очень серьезно.

Ну и, в-третьих, святые, жившие столетия и тысячелетия назад, это ведь – не прах, развеянный и разметенный ветром. Это живые люди. Их души предостоят престолу Божию. Они, как в земной жизни молились о братьях и сестрах во Христе, так и сейчас продолжают молиться за всех ближних и дальних. Они ведь члены той же Церкви Христовой, к которой принадлежим и мы с Вами. Они – члены Тела Христова, также, как и мы, клеточки громадного организма, глава которого есть Христос. Между нами не должно быть молитвенных границ. Мы молимся за тех, кто ушел из этой жизни, а святые праведники молятся за нас, остающихся еще некоторое время здесь, на земле. Отрекаться от молитвенного заступничества сонма святых просто нелепо, даже как-то невыгодно.

Но это так, скажем – не наша проблема. Мы – люди православные. Наш церковный календарь весь исписан именами святых – каждый день мы вспоминаем от одного до десятков тысяч праведников. У каждого есть жизнеописание, причем, многие жития интересны и захватывающи. Праведников мы с Вами чтим. Редко какая неделя проходит, чтобы мы сугубо какого-либо святого не праздновали – не отмечали бы полиелейным богослужением. Каноны, акафисты читаются святым. Множество тропарей, кондаков, стихир и т.д.

И во всех молитвословиях звучит повторяющаяся ключевая фраза – «моли Бога о нас». Например, «святый апостоле Павле, моли Бога о нас». Т.е. мы обращаемся к тому или иному святому и просим у него, чтобы он помолился о нас Господу. «Мученик Киприан, преподобный Сергий, святитель Спиридон, блаженная Ксения, молитесь о нас Всевышнему». И это здорово, что есть у нас такая возможность подключить к молитве Богу столько молитвенников. Причем, **праведных** молитвенников. А апостол Иаков в своем послании пишет, что «многo может усиленная молитва праведного» (Иак. 5, 16).

Но мирный трактор, как известно, легко переделать в броневик. Если ты сам молишься Отцу Небесному и пытаешься вовлечь в свою молитву как можно больше народу – и на земле живущих, и небожителей – это прекрасно. Но ведь так не все поступают. Бывает, придет человек к священнику и про-

сит: батюшка, помолитесь за меня, а то проблем накопилось тяжких. Священник отвечает: пожалуйста, давайте помолимся, отслужим молебен, молитвы почитаем. – Да нет, отец, вы уж сами – у меня времени нет. Наверное, не надо объяснять, почему такой подход недопустим.

Вовлечение отцов, братьев и сестер в молитву должно **приближать** нас к Богу, а не удалять. А если я не молюсь сам, а надеюсь на кого-то, этим, ведь, я отказываюсь от общения с Богом. А значит, я отдаляюсь от Всевышнего.

Так же обстоит дело и с небожителями. Если мы сами устремлены к Богу, возносим Отцу нашему Небесному непространные молитвы, плюс, призываем к этому же всех наших родных и близких, просим Церковь молиться вместе с нами, причем, не только земную Церковь, но и Небесную – это не просто хорошо, это здорово. Но если ты обратился к святителю Николаю – дескать, ты там молись за меня Богу. Ты на небе – ближе ко Всевышнему, как ангел на небесах, всегда видишь лице Отца Моего Небесного. А я пока этим временем займусь делами земными. Это уже неправильно.

Или вообще, как в детском саду на Рождество: «Святой Николай, ты нас выручай – скорее иди, подарки неси!» Логика простая. При жизни Николай был сказочно добрым человеком. Раздарил всё свое имущество. Ну и, естественно, с доброй душой переселился на Небо. А Господь, ведь, не капсулирует души праведников, не запирает их в герметические емкости. Души перешедших от земной жизни в вечность, они ведь на что-то способны, как-то могут действовать. Разумеется, не самостоятельно, а в Боге, так сказать.

Но здесь грань очень тонкая. Здесь кроется опасность подмены Бога человеком, пусть даже праведником. Да, святые продолжают жить, молятся, действовать, но действовать только согласно воли Божией и силой, не своей собственной, а силой Всевышнего. Поэтому, когда мы говорим, что нам помог святой Николай, мы все же имеем в виду **молитвенную** помощь, а не какое-то непосредственное, самостоятельное действие святого. Поэтому и за Богослужениями в православных храмах мы обращаемся к святым – не с просьбой устроить что-то конкретное, а именно **помолиться** о нас Господу. Это – как правильно.

Но в жизни, зачастую, бывает совсем неправильно. Устраивается людьми такой пантеон, где наравне со Христом – Богородица, святые, когда отсутствует в сознании верующего колоссальная разница между человеком, даже очень святым, и Всевышним, и молящийся начинает воздавать почести Божеские человеку, пусть даже незаурядному в духовном отношении. Обращаясь к праведнику, не просит его помолиться Богу за нас, а молиться **самому** святому. Это уже ничто иное, как язычество. А бывает ведь еще хуже. Одна прихожанка Свято-Духовского собора говорила: а я Богу не молюсь, я молюсь Божией Матери. Она – Заступница Небесная, Царица Неба и земли и т.д. Комментировать ее позицию не имеет смысла. Откуда ноги растут – здесь понятно. Невежество, самое простое религиозное невежество. Отсутствие элементарных библейских, богословских и церковно-исторических знаний. Ну а что говорить о рядовых прихожанах, если один деревенский батюшка «выдал» – его спросили: что такое Святая Троица? Он ответил: Святая Троица – это иконка такая тройная – Иисус Христос, Матерь Божия и Святой Николай.

Хотелось, чтобы уж в 21-м веке так не думал никто, даже редкий захожий в храм, не говоря уже о духовенстве.